

расширили самостоятельность и ответственность журналистов и сделали их более известными широкой публике, иногда даже знаменитыми. И что очень важно, интервьюер с обширными связями самим своим успехом показывает — и публике, и собственным редакторам, и всей журналистской братии, и своим потенциальным источникам — что не только умеет говорить правду влиятельным персонам, но и действительно вхож в коридоры власти.

Постепенно интервьюирование стало не только способом подготовки самостоятельных статей, но и самой ходовой техникой получения сведений для большинства новостных материалов. Возникнув в необычно демократической американской культуре середины XIX столетия, оно развилось до такой степени, что сделалось новым механизмом общественного наблюдения за обладателями власти и влияния. Этот механизм, лучше всего работающий именно в демократическом обществе, прочно закрепился уже к тридцатым годам. В то же время интервьюирование и до сих пор не избавилось от изначально заложенных в него противоречий — таких, например, как уязвимость репортера по отношению к его источнику, уязвимость источника по отношению к репортеру, и уязвимость публики по отношению к ним обоим.

Стивен Бейтс

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ ИЗБАВИТЬ ПРЕССУ ОТ НЕДОСТАТКОВ

В 1942 г., на заседании редакционного совета Британской Энциклопедии, главный редактор журнала "Тайм" Генри Люс передал записку видному университетскому администратору Роберту Хатчинсу. Люса интересовало, где он может побольше узнать о свободе печати, и к чему этот принцип обязывает лично его. Хатчинс не смог сказать ничего определенного. Люс проявил настойчивость и спросил Хатчинса, не смог бы тот организовать комитет экспертов, который займется анализом прав и обязанностей прессы. "Если вы добудете деньги, — ответил Хатчинс, — я это устрою".

Подобно Люсу, в двадцатичетырехлетнем возрасте ставшему одним из основателей журнала "Тайм", Хатчинс был известен своими ранними достижениями. В двадцать восемь лет он возглавил юридический факультет Йельского университета, а в тридцать стал президентом Чикагского университета. Были у них и другие общие черты: неумный интеллект, пристрастие к неортодоксальным идеям и трезвая уверенность в себе, позволяющая осуществлять их на практике. "Есть два пути к созданию первоклассного университета — у него должна быть либо превосходная футбольная команда, либо сильный президент", — заявил Хатчинс в 1939 г., и... упразднил чикагскую футбольную программу.

Хатчинс привлек к изучению американской прессы нескольких интеллектуальных светил, например, теолога Рейнхольда Нибура и поэта (а в то время — еще и директора Библиотеки Конгресса) Арчибальда Маклиша. За

три года они провели под председательством Хатчинса семнадцать заседаний, на которых тщательно обсудили все, что их не устраивало в американской журналистике. Эта Комиссия по свободе печати, как ее назвал Хатчинс, пришла к малоприятным выводам в отношении американской прессы, сочтя ее слишком поверхностной, склонной к сенсационности, узколобой и временами попросту нечестной. Хатчинс позднее вспоминал, что и его, и его коллег их выводы "наводили на грустные размышления".

Как помочь прессе? Член комиссии, философ Уильям Хокинг считал "службу новостей" слишком важным делом, чтобы его можно было целиком и полностью оставить в частных руках, и потому он рекомендовал вмешательство правительства. Хокинг даже внес предложение, которое он сам назвал донкихотским — дополнить Билль о правах положением, согласно которому "в свободном обществе реализация любых прав зависит от добросовестности тех, кто на них претендует". На это Нибур ответил, что такое ограничение "уничтожило бы сам Билль о правах".

Хотя большинство членов комиссии не покушались на переделку Билля о правах, они обсуждали различные возможности ввести работу прессы в определенные рамки. Председатель Федерального резервного банка Нью-Йорка Бердсли Рамл рекомендовал систему лицензий, согласно которой газеты должны были подчиняться государственному ведомству, аналогичному Федеральной комиссии по связи, а в случае отказа лишались бы лицензий и соответствующих правовых льгот. Сотрудник комиссии Левеллин Уайт предложил сделать преднамеренную публикацию ложных сообщений федеральным преступлением (позднее он без ложной скромности сравнил эту идею с джефферсоновским Биллем о свободе совести). По мнению некоторых членов комиссии, следовало юридически обязать газеты публиковать опровержения или поправки. Когда профессор права Пенсильванского университета Джон

Дикинсон предупредил, что такой закон настроил бы редакторов против публикации статей экстремистски настроенных обозревателей вроде задиристого консерватора Вестбрука Пеглера, Нибур ответил: "пусть так и будет".

Но в конце концов члены комиссии высказались против подобных юридических ограничений. Вместо этого они настоятельно рекомендовали прессе самой покончить со своими грехами, предупредив, что в противном случае не удастся избежать государственного регулирования ее деятельности. В своем заключительном докладе они сформулировали этот вывод так: "В будущем печать сможет сохранить свою свободу лишь в том случае, если эта свобода будет сочетаться с ответственностью печати перед обществом".

Комиссия настоятельно рекомендовала учредить "новое независимое ведомство, которое оценивало бы работу прессы и ежегодно публиковало свои выводы". Ее члены так убежденно и многократно возвращались к этой идее, что Хатчинс даже заметил, что "она стала выглядеть панацеей от всех болезней прессы". "Мы не предлагаем сенсационных рекомендаций, — ответил Нибур, — но в целом этот совет имеет немалый смысл".

Чтобы придать итоговому докладу Комиссии стилистический блеск, Хатчинс поручил его составление Макклишу. Поэт выдал черновик, преисполненный тем, что он сам назвал "моральным возмущением". Макклиш назвал американские газеты "рассадником легкого чтения", отметив, что они постоянно игнорируют "действительно важные события", заменяя серьезное обсуждение "описаниями убийств в ночных клубах" и "историейками о сверхбогачках с куриными мозгами". По словам Макклиша, основание новой газеты стало настолько дорогостоящим делом, что "для простых американцев свобода прессы... означает примерно то же самое, что свобода отправиться на ракете к Луне". Автор доклада предупреждал, что по вине прессы

американцы обладают "меньшей свободой" узнавать новые идеи, чем граждане других демократических стран.

Хатчинс и руководитель аппарата комиссии Роберт Лей сочли черновик Маклиша слишком уж задиристым и потому подготовили пересмотренный текст заключительного доклада. Потом понадобились новые исправления, и только девятый вариант получил одобрение всех тринадцати членов комиссии, хотя позднее Маклиш выступил с возражениями против формулировки одной из рекомендаций. "Я мог бы испещрить страницу или две проклятиями в адрес Арчи за то, что в Чикаго он согласился с окончательным вариантом доклада, а в последний момент стал его критиковать, — писал Лей другому сотруднику комиссии. — Но... я уже научился проявлять спокойствие и не ждать компромиссов и сотрудничества от человека со столь поэтическим темпераментом". С Маклишем удалось договориться, и 26 марта 1947 г. комиссия все же представила свой единогласно одобренный доклад — с годовым опозданием.

Авторы этого документа, озаглавленного "Свободная и ответственная пресса", скорее всего считали его весьма умеренным и думали, что он не вызовет особых возражений. В самом деле, ведь там уже не было ни предложения Хокинга дополнить Билль о правах, ни "разрешительного ведомства" по Рамлу, ни огненной риторики Маклиша. Члены комиссии ожидали от прессы выражений признательности. Хатчинс спал и видел, как его будут чествовать на конференциях по журналистике, а его коллеги на полном серьезе обсуждали, как им придется поступить, если руководители газет засыпят их просьбами сформировать предложенное ими ведомство по наблюдению за печатью.

Ничего подобного не случилось — напротив, доклад вызвал неприкрытый гнев большинства газет. Авторы редакционных статей метали громы и молнии из-за отсутствия в комиссии хотя бы одного журналиста, ее неком-

петентности, поспешности в сборе материалов, профессорской непрактичности, политической левизны и неудобочитаемости ее доклада. Чикагская "Трибюн" предположила статье об этом документе такой заголовок: "Соединенным Штатам хотят навязать свободную прессу по гитлеровскому образцу". "Уолл-Стрит Джорнэл" намекнула, что, говоря об ответственности прессы, члены комиссии фактически имели в виду цензуру. Издатель "Нью-Йорк Таймс" Артур Сульцбергер прямо писал, что критика американской прессы была в основном делом рук "коммунистов и их попутчиков".

Доклад разочаровал и того человека, кто был инициатором и спонсором. Льюс писал Хатчинсу, что этот документ в лучшем случае тянет "на вежливую тройку, и никак не выше". Льюс добавил, что "члены комиссии лучше справились бы с поставленной задачей поодиночке, чем работая вместе". В частных беседах он даже говорил, что докладу явно недостает элементарной логики.

Не приходится сомневаться, что доклад "Свободная и независимая пресса" заметно повлиял на научное исследование проблем журналистики, подведя фундамент под теорию "социальной ответственности" печати. Но вот о его воздействии на практическую журналистику трудно сказать что-нибудь определенное. Национальный Совет по новостям отчасти соответствовал призыву комиссии учредить организацию для надзора над прессой, но он просуществовал недолго — с 1973 по 1984 год. Бывший редактор бостонской "Глоуб" Майкл Джейнвэй, по его собственным словам, за двадцать три года газетной работы и слыхом не слыхивал о комиссии Хатчинса.

На последнем заседании комиссии гарвардский профессор права Захария Чейфи сделал несколько снимков, закончив пленку, на первых кадрах которой были запечатлены его новорожденные внуки-близняшки. Через восемь месяцев после публикации доклада Чейфи послал эти фо-

тографии своим бывшим однокашникам. "Девчонки как угорелые носятся по полу на четвереньках, — писал Чейфи, — но вот Комиссия уже канула в Лету...".

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Глеб Павловский

ГЛАСНОСТЬ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ *

В советской системе печать, испытывая повседневный гнет, оставалась неременной частью самой власти. Главный редактор местной газеты был важным лицом в руководящих партийных коллегиях. При известных обстоятельствах (и, конечно, при поддержке со стороны влиятельных представителей партийной иерархии) он мог сыграть и собственную политическую игру, открыв кампанию диффамации того или иного ведомства или фигуры, чем широко пользовались Сталин и Хрущев, от чего отказались при консервативном Брежневе. Зато Горбачев в 1986 г. воспользовался этой лазейкой. Опираясь на согласие Политбюро несколько модернизировать экономику и государственный аппарат, он развязал кампанию критики кадров в печати — превратив затем, рядом ходов, средства массовой информации в личное лобби и инструмент дозированных утечек сведений из Политбюро.

Смена главных редакторов многих газет и журналов в 1986 г. привела к власти "шестидесятников" — умеренных партийных либералов, отстраненных от номенклатурных должностей в брежневской журналистике. К таким людям относились главный редактор "Московских новостей" Егор Яковлев, главный редактор "Нового мира" Сергей Залыгин, Виталий Коротич в "Огоньке" и т.п. Этот клан тесно связанных друг с другом людей получил определенные гарантии несменяемости, что вскоре привело к фактической "приватизации" центральных изданий. Под общим патрона-

* *Перепечатано из журнала "Среда", сентябрь 1995 г.*